ИСТОРИЯ

УДК 94 (517)

DOI: 10.22162/2500-1523-2020-2-203-215

**Джебцун-Дамба-хутухта и амбань Сань До:
начало противостояния (из донесений генерального
консула в Урге Я. П. Шишмарева в 1910 году)**

*Базар Догсонович Цыбенков¹,
Леонид Владимирович Курас²*

¹ Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН
(д. 6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация)
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
0000-0002-0404-7207. E-mail: bazar75@mail.ru

² Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН
(д. 6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация)
доктор исторических наук, главный научный сотрудник
0000-0003-4507-249x. E-mail: kuraslv@yandex.ru

© КалмНЦ РАН, 2020

© Цыбенков Б. Д., Курас Л. В., 2020

Аннотация. *Введение.* В преддверии Синьхайской революции 1911 г. ситуация в национальных окраинах Цинской империи была напряженной. Во Внешней Монголии происходили события, свидетельствовавшие, с одной стороны, о росте недовольства монгольского населения засильем маньчжурской администрации и китайских купцов, с другой — об уже пошатнувшихся позициях Цинской династии в этом регионе. В то же время Российская империя усилила свое политическое и экономическое влияние во Внешней Монголии. *Цель* статьи состоит в изучении взаимоотношений, возникших между религиозным главой Монголии — Джебцун-Дамба-хутухтой и новым ставленником Цинской империи во Внешней Монголии — амбанем Сань До. Исследование основывается на материалах из Архива внешней политики Российской империи — донесениях генерального консула Российской империи в Урге Я. П. Шишмарева, с привлечением научных работ. Основные *задачи*, поставленные в работе: изучить деятельность амбана Сань До с момента его приезда в Ургу в феврале 1910 г. и до апреля 1910 г.; осветить беспорядки, возникшие в Урге в марте 1910 г.; рассмотреть межличностные отношения, возникшие между Джебцун-Дамба-хутухтой и амбанем Сань До. Помимо основных, авторы статьи ставят и некоторые второстепенные задачи: проанализировать реакцию Джебцун-Дамба-хутухты и монгольского населения на уход Далай-ламы XIII в Индию в 1910 г.; рассмотреть ситуацию, связанную с появлением на границе Внешней Монголии повстанческого отряда во главе с Тогтохо.

Выводы. Из донесений Я. П. Шишмарева выяснено, что Сань До был сторонником реформ в Китае и начал энергично исполнять свои обязанности. Отношения Сань До с Джебцун-Дамба-хутухтой с самого начала имели конфликтную основу. И они лишь ухудшились после беспорядков в Урге, произошедших 26 марта 1910 г. Установлено также, что Джебцун-Дамба-хутухта был, видимо, доволен исходом Далай-ламы XIII в. Индию. Подтверждено, что повстанческий отряд во главе с Тогтохо, перешедший из Внутренней Монголии, поддерживало приграничное монгольское население.

Ключевые слова: Монголия, Урга, Я. П. Шишмарев, донесения, ламы, Джебцун-Дамба-хутухта, амбань Сань До, Далай-лама, Тогтохо

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Министерства культуры, образования, науки и спорта Монголии в рамках научного проекта № 19-59-44004 «Монгольская революция 1921 г. в зеркале транснациональной истории монгольского мира» (к 100-летию Монгольской революции 1921 г.) (номер госрегистрации: АААА-А20-120021490062-5).

Для цитирования: Цыбенков Б. Д., Курас Л. В. Джебцун-Дамба-хутухта и амбань Сань До: начало противостояния (из донесений генерального консула в Урге Я. П. Шишмарева в 1910 году) // Монголоведение. 2020. Т. 12. № 2. С. 203–215. DOI: 10.22162/2500-1523-2020-2-203-215

UDC 94 (517)

DOI: 10.22162/2500-1523-2020-2-203-215

Jebtsundamba Khutukhtu and Amban Sando: Beginning of the Opposition (a Case Study of 1910 Reports by Russian Consul General in Urga Ya. Shishmarev)

*Bazar D. Tsybenov*¹

*Leonid V. Kuras*²

¹ Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the RAS
(6, Sakhyanova St., Ulan-Ude 670047, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Senior Research Associate

0000-0002-0404-7207. E-mail: bazar75@mail.ru

² Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the RAS
(6, Sakhyanova St., Ulan-Ude 670047, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Chief Research Associate

0000-0003-4507-249x. E-mail: kuraslv@yandex.ru

© KalmSC RAS, 2020

© Tsybenov B. D., Kuras L. V., 2020

Abstract. Introduction. The situation in non-Han territories of the Qing Empire that preceded the Xinhai Revolution of 1911 was quite tense. Outer Mongolia became the scene of growing impatience with the dominance of the Manchu administration and Chinese merchants, which attested to weak positions of the Qing dynasty in the region. In the meantime, the Russian Empire in every way available increased its political and economic influence on Outer Mongolia. *Goals and Objectives.* The article studies the relationships between the religious leader of Mongolia Jebtsundamba Khutukhtu and the new appointee of the Qing

Empire Amban Sando. Sando proved a supporter of the ‘new policy’ who had served as a Manchu official in South China, and then spent seven years in Japan. Immediately prior to Urga, he had been ruling the Tumet Banners. The research objectives set include as follows: review of Amban Sando’s activities between his arrival to Urga in February 1910 to April 1910; insight into the March 1910 Urga unrest of Buddhist priests; analysis of interpersonal relationships between Jebtsundamba Khutukhtu and Sando. Somewhat secondary tasks are to analyze reactions of Jebtsundamba Khutukhtu and the Mongolian population to the departure of the 13th Dalai Lama to India in 1910; to consider the problem of the emerged rebel detachment led by Togtokho from Inner to Outer Mongolia. *Materials.* The work analyzes reports by Russian Consul General in Urga Ya. Shishmarev housed by the Archive of Foreign Policy of the Russian Empire. The study also examines some Mongolian and Russian research works. *Conclusions.* According to Ya. Shishmarev, Sando was supporting China’s reforms and entered the Urga office with all his might. The reports inform the relationships between Sando and Jebtsundamba Khutukhtu were tough since the very beginning, and they worsened after the March 1910 Urga unrest largely joined by Buddhist monks. The Russian official concludes Jebtsundamba Khutukhtu was quite satisfied with the 13th Dalai Lama’s departure towards India, and reports that the border Mongolian population was supporting Togtokho’s rebel detachment from Inner Mongolia.

Keywords: Mongolia, Urga, Ya. Shishmarev, reports, monks, Jebtsundamba Khutukhtu, Amban Sando, Dalai Lama, Togtokho

Acknowledgements: The reported study was funded by RFBR and Ministry of Education, Culture, Science and Sports of Mongolia, project no. 19-59-44004 ‘The Mongolian Revolution of 1921 in the Mirror of Transnational History of the Mongolian World’ (Celebrating the 100th Anniversary of the Mongolian Revolution of 1921; state reg. no. AAAA-A20-120021490062-5).

For citation: Tsybenov B. D., Kuras L. V. Jebtsundamba Khutukhtu and Amban Sando: Beginning of the Opposition (a Case Study of 1910 Reports by Russian Consul General in Urga Ya. Shishmarev). *Mongolian Studies (Elista)*. 2020. Vol. 12. No. 2. Pp. 203–215. (In Russ.) DOI: 10.22162/2500-1523-2020-2-203-215

Введение

Современный монгольский мир в русле изменившейся транснациональной истории — это важнейшая часть глобальной истории. Именно поэтому истоки Монгольской народно-демократической революции 1921 г. следует видеть в национально-освободительном движении, широко развернувшемся в связи с проведением цинской империей «новой политики». Проекты масштабной колонизации монгольских земель китайским населением и их воплощение в реальную жизнь вызвали негативную реакцию всех слоев монгольского общества. В начале XX в. монгольские ханы и князья объединились вокруг религиозного главы Монголии — Джебцун-Дамба-хутухты, обладавшего присущими светскому правителю качествами и харизмой. Именно ему было суждено стать главой теократического государства монголов после Синьхайской революции 1911 г. К тому времени созрели отдельные предпосылки для проведения монголами независимой политики. Однако основной причиной, подвигнувшей монголов к решительным действиям, явилась Синьхайская революция в Китае. До нее политическая ситуация в Монголии была напряженной, но продолжала регулироваться маньчжурским наместником — амбанем. В этот период на фоне постоянно меняющихся наместников стала выделяться яр-

кая личность главы буддизма в Монголии — Джебцун-Дамба-хутухты. За деятельностью обоих глав — административного и религиозного — внимательно наблюдала Российская империя в лице генерального консула в Урге Я. П. Шишмарева.

Заслуги российского дипломата Якова Парфеньевича Шишмарева (1833–1915), уроженца г. Троицкосавска, известны многим российским и зарубежным исследователям и дипломатам, его деятельность достаточно широко освещена в монографиях и научных статьях. Переводчик Кяхтинского градоначальства, он в 1861 г. стал секретарем нового консульства, и с конца того же года начал исполнять обязанности консула [Сизова 2015: 59]. Само консульство было открыто в 1860 г., при нем был построен поселок, в котором проживало от 40 до 100 человек российских подданных — русских и бурят [Плеханова, Корниенко 2017: 17–18]. В общей сложности Я. П. Шишмарев прожил в Монголии 49 лет. Одним из первых ученых, обратившихся к его деятельности, была известная исследовательница российско-монгольских отношений Е. М. Даревская, подготовившая статью об Ургинской школе переводчиков, в развитии которой немалую роль сыграл Я. П. Шишмарев [Кузьмин 2014: 105; Кузьмин 1997: 78]. В работах российских историков Н. Е. Единарховой, Ю. В. Кузьмина, А. И. Андреева, И. И. Ломакиной, А. М. Плехановой, Н. Н. Корниенко, А. А. Сизовой были освещены и другие важные стороны деятельности талантливого российского дипломата.

Постановка задачи и материалы

В настоящей работе мы обратились к одному делу под названием «Возмущение лам в Урге. 1910», находящемуся на хранении в фонде «Китайский стол» Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ), состоящему из донесений генерального консула России в Урге, тайного советника Я. П. Шишмарева. Дело (14 листов) включает секретные донесения и телеграммы, датированные мартом – апрелем 1910 г. Некоторые листы представляют собой проекты документов, поскольку на них имеются карандашные пометки, зачеркивания и исправления. Эти материалы и легли в основу нашей статьи, дополненной рядом сведений из публикаций современных российских и монгольских историков. Несмотря на название работы, отражающей начало противоречий между Джебцун-Дамба-хутухтой и новым маньчжурским амбаном Сань До, в ней также содержатся сведения Я. П. Шишмарева о Далай-ламе, предводителе отряда южномонгольских повстанцев Тогтохо, противодействии монгольских чиновников во главе с Джебцун-Дамба-хутухтой навязываемым цинским правительством законопроектam. При этом авторы статьи строят повествование в хронологической последовательности, согласно донесениям и телеграммам российского дипломата.

Начало деятельности Сань До в Урге

В своем секретном донесении № 309 от 24 марта 1910 г. генеральный консул России в Урге Я. П. Шишмарев сообщил в первый департамент Министерства иностранных дел о вступлении 26 февраля 1910 г. чиновника Сань До в должность нового маньчжурского амбана. Сань До прибыл в Ургу 23 февраля 1910 г. Его предшественник — амбань Янь Чжи — рано утром 26 февраля 1910 г. пе-

редал печать и через несколько часов выехал в Пекин [АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. 1910. Д. 600. Л. 1]. Этот амбань был активным сторонником китайской колонизации, способствовал проникновению японцев во Внешнюю Монголию, оказывал серьезное противодействие развитию российско-монгольских взаимоотношений. Такое поведение Янь Чжи объясняется поражением России в русско-японской войне 1904–1905 гг. и отражает настроения, царившие при маньчжурском дворе [Сизова 2015: 96]. Отставка Янь Чжи повысила авторитет Джебцзун-Дамба-хутухты и российских дипломатов. Я. П. Шишмарев активно поддерживал и консультировал монгольских князей в их борьбе против китайской колонизации земель Внешней Монголии [Сизова 2016: 148]. Назначенный вместо Янь Чжи амбань Сань До также принадлежал к сторонникам «новой политики» или партии реформ. Он служил чиновником на юге Китая, затем на протяжении семи лет находился в Японии. До своего назначения в Ургу Сань До управлял семьей тумэтскими хошунами, проживая в Гуй-хуа-чене (ныне г. Хух-Хото). Вступив в должность, он начал усердно знакомиться с делами, положением и делопроизводством ямыня¹ и вводить свои порядки. Чиновничество управления было разделено на две части: 1) новое (приезжее); 2) прежнее. Чиновники, приехавшие с Сань До, состояли лично при нем и даже проживали в его поместье. Они руководили наиболее важными делами, включая и секретные сношения с Пекином. Вторая часть чиновничества состояла из китайских чиновников и монгольских секретарей, состоявших при прежнем амбане. Они занимались в ямыне обычным делопроизводством и текущей перепиской, проживали на территории самого ямыня. Таким образом, был налажен порядок, при котором все важные дела находились в прямом ведении маньчжурского амбана и состоящих лично при нем чиновников. Монгольский амбань и монгольские секретари не имели влияния и не принимали участия в значимых делах [АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. 1910. Д. 600. Л. 1]. Амбань Сань До свою деятельность начал энергично, предприняв некоторые нововведения: упразднил в Урге монгольскую полицию и стражников (нижние чины вольнонаемной полиции. — Б. Ц., Л. К.), заменив их китайской полицией и стражниками; способствовал улучшению дорог, переустройству старых и постройке новых мостов; наладил санитарный надзор, качественное водоснабжение, оспопрививание и медицинскую помощь китайцам, а также отчасти и монголам. Оказание медицинской помощи было возложено на врача Цыбектарова, который в марте 1910 г., очевидно, уже работал в семье амбана. О предполагаемых реформах амбань известил цинское правительство и ожидал разрешения на их осуществление. В день вступления в должность, 26 февраля 1910 г., Сань До посетил генерального консула Я. П. Шишмарева и заверил его, что будет прилагать усилия к поддержанию добрых отношений с российской стороной, устранению всяких недоразумений в Урге и на границе. Новый амбань также отметил, что в случае необходимости он будет приезжать к Я. П. Шишмареву для консультаций [АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. 1910. Д. 600. Л. 2].

В том же, от 24 марта 1910 г., донесении Я. П. Шишмарева много места уделено Далай-ламе XIII, который в 1910 г. бежал в Индию. В частности, тайный

¹ Ямынь (др. назв. ямэнь) — термин, обозначавший государственные учреждения в Китае, существовавшие до 1949 г. Ямынь представлял собой резиденцию чиновника и его помощников.

советник отмечает, что уход Далай-ламы из Тибета и отсутствие сведений о его дальнейшей судьбе оказали большое воздействие на монголов, главным образом среди князей и лам, а также на тибетцев, которых в Урге и в монгольских хошунах было достаточно много. Дальнейшие сведения постепенно успокоили всех, кроме тибетцев. Джебцун-Дамба-хутухта, как пишет Я. П. Шишмарев, принял известие о Далай-ламе достаточно спокойно; он, по-видимому, даже был доволен. Цинское правительство отправило секретную телеграмму, ставя в известность Ургинского амбана, Уласутайского цзянцзюня и других высших лиц, о необходимости принятия мер к задержанию Далай-ламы, если он направится в пределы России. Получив телеграмму, амбань Янь Чжи отправился к Джебцун-Дамба-хутухте сообщить о том, что Далай-лама покинул Лхасу. Джебцун-Дамба-хутухта, приняв новость, ответил, что даже если Далай-лама, как это случилось в 1904 г., прибудет в Монголию, то он ничего не сможет сделать, поскольку от него ничего не зависит. В Монголии по-разному отнеслись к сведениям о прибытии Далай-ламы в Индию, поскольку наблюдалось некоторое разделение среди буддистов [АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. 1910. Д. 600. Л. 2]: буддисты ряда районов Монголии тяготели к Тибету и его главе, другие — к монастырю Гумбум, третьи — к монастырю Лавран. Гумбум и Лавран уже давно проявляли самостоятельность. Оставление Далай-ламой Лхасы лишь усугубило эту ситуацию. Известно, что глава Гумбума — Чжанчжа-гэгэн, проживавший постоянно в Пекине и поддерживаемый цинским двором, отнесся враждебно к возвращающемуся из Монголии Далай-ламе. Чжанчжа-гэгэн специально приехал в Гумбум из Пекина, чтобы показать свою независимость. Он даже не посетил Далай-ламу. Аналогичное неприятие выказал и главный лама Лаврана.

По наблюдению Я. П. Шишмарева, китайцы, проживавшие в Монголии, были уверены, что Далай-лама стремится в Россию, и распространяли эти слухи среди монголов. О трудном положении Далай-ламы свидетельствует его письмо Я. П. Шишмареву, полученное им через Российскую миссию в Пекине. Буддийский иерарх писал генеральному консулу Урги о своем положении, притеснениях со стороны китайцев, их посягательствах на Тибет и т. д. В то же время Далай-лама не забывал о тибетской общине в Монголии и просил Я. П. Шишмарева оказать им покровительство [АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. 1910. Д. 600. Л. 3].

Раздумывая о статусе Тибета, генеральный консул Урги пришел к выводу, что китайское правительство, возможно, сумеет лишить Далай-ламу управления Восточным Тибетом, если оно не встретит препятствия со стороны России и Англии к продолжению своих действий по отношению к Тибету, а затем и Монголии. Однако китайское правительство не может лишить Далай-ламу главного — носимого им в себе перевоплощения. То же самое касается и перерождения Панчен-ламы и Джебцун-Дамба-хутухты. В качестве примера генеральный консул указывал на одного из перерожденцев в Гоби, которого несколько лет назад китайское правительство лишило всего: печати и официального положения. Монголы все же продолжали признавать его святым и поклоняться ему [АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. 1910. Д. 600. Л. 3]. Если сравнивать буддийских иерархов, то Джебцун-Дамба-хутухта находился в дру-

гих условиях, нежели Далай-лама и Панчен-лама. Не являясь представителем административной власти, он пользовался большим влиянием в Халхе и даже за ее пределами. В условиях общего ослабления цинского государства и разрушения старых социально-экономических и политических конструкций Джебцзун-Дамба-хутухта стал резко выделяться как сильный религиозный лидер, способный объединить монгольских ханов и князей. Таким образом, можно говорить о справедливости тезиса: роль личности обратно пропорциональна стабильности общества [Курас 2016б: 22–23].

Особое внимание генеральный консул в Урге уделял нововведениям цинского правительства и реакции монголов на них. Так, цинское правительство в тот период продолжало продвигать законопроект о лесах, звероловстве, горной промышленности, военных реформах, народном образовании и др., увязывая его с конституцией и представительством в парламенте. Я. П. Шишмарев оказал большую помощь монгольским князьям, консультируя их. Благодаря ему, монгольские аристократы имели представление о том, что такое парламент и какова роль депутатов. Эти познания помогли им принимать более взвешенные решения. Так, после одного совещания во главе с Джебцзун-Дамба-хутухтой было направлено в Пекин послание, в котором монгольская знать настаивала на сохранении всех своих прежних льгот и привилегий. При соблюдении этих требований они соглашались иметь своих представителей в парламенте. При этом выбор монгольской элиты был достаточно предсказуем: князья выбирали депутатов, опираясь на принцип родства с правящей династией. Так, аристократы указывали на двух князей, связанных родственными узами с цинской династией, маньчжурской элитой. В то же время они не обращали внимания на полное незнание монгольского языка выбираемыми кандидатами, их постоянное местожительство в Пекине. Амбань Янь Чжи отклонил эти две кандидатуры, отметив при этом, что представители должны быть избираемы народом [АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. 1910. Д. 600. Л. 3об.]. По наблюдению Я. П. Шишмарева, монгольские ханы и князья больше всего боялись лишения жалованья от цинского двора и ограничения их привольной жизни за счет хошунов. Главным образом, они ратовали за это. Как можно понять, такое «крепостничество» никак не могло быть совместимым с конституцией и парламентом [АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. 1910. Д. 600. Л. 4]. С другой стороны, монголы осознавали всю опасность, исходившую от Китая, осуществлявшего колонизацию их исконных земель. Эта колонизация должна была завершиться полной утратой самобытности монголов и превращением их территории в обычную китайскую провинцию [Курас 2016а: 89].

В донесении генерального консула уделено внимание Тогтохо, предводителю повстанческого отряда, перешедшего границы Халхи в 450 верстах от Урги, в хошуне дзасака Тупдуна, из пределов Восточно-Узумчинского княжества. Его отряд состоял из 50 хорошо вооруженных всадников, имел обоз из двадцати двухколесных телег. Тогтохо грабил китайцев и брал с них выкуп, монголов не трогал и двигался среди них беспрепятственно. Поскольку наступили холода, монголы не имели возможности откочевать с пути отряда Тогтохо. По мнению Я. П. Шишмарева, безвыходное положение Тогтохо делало его отчаянным, в то же время китайцы стремились захватить его только

живым. Ургинские амбани дали распоряжение собрать по хошунам монгольское войско. Был отправлен разведывательный отряд из 20 солдат с китайским офицером. После перехода Тогтохо в Халху амбани выслали навстречу китайский отряд из 60 солдат. Был отдан приказ о сборе и приведении в полную боевую готовность монгольского отряда из 500 человек по хошунам, в Тушету-хановском аймаке. Такая боеготовность была вызвана высказываниями Тогтохо о следовании в Ургу и предположениями о большей по сравнению с 1908 г. численности его отряда [АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. 1910. Д. 600. Л. 4]. Отряд Тогтохо вел многочисленные бои с китайскими солдатами, всего за период с 1907 г. по 1910 г. их было 23. Свои действия Тогтохо объяснял тем, что его мирная и зажиточная жизнь закончилась после осознания беззакония, эксплуатации, бесчеловечного отношения китайцев к монголам и самовольного захвата китайцами лучших монгольских земель [Батунаев 2015: 46–47].

Взаимоотношения Сань До и Джебцун-Дамба-хутухты

Рассматривая взаимоотношения между вновь назначенным амбанем Сань До и Джебцун-Дамба-хутухтой, генеральный консул отмечал большую вероятность противоречий. Как сообщал Я. П. Шишмарев, Джебцун-Дамба-хутухта самовольно, не предупредив амбана, неожиданно уехал на северо-восток Халхи, в пограничный хошун Хубчи-Джонон-бэйсэ. Причем об этой поездке не знали даже приближенные, лишь за три дня до этого было приказано приготовить 60 лошадей. Хутухту в поездке сопровождали княгиня Сэцэн-нойон и князь Намсарай. С некоторого времени особо близкие отношения сложились у Джебцун-Дамба-хутухты с двумя князьями: Ханд-Дорж-ваном и Намсарай-гуном. По установленному порядку Джебцун-Дамба-хутухта на каждый выезд из Урги должен был получить разрешение от Богдо-хана. Обычно он ездил в монастырь Амар-Баясхалант для поклонения праху Ундур-гэгэна, первого перерожденца в Монголии Джебцун-Дамба-хутухты, и в монастырь Эрдэни-цзу. Еще во время боксерского восстания он получил разрешение у амбаней на поездки в некоторые хошуны для молебствий о благоденствии цинского императора. Разрешение тогда было дано ввиду возможности захвата повстанцами Урги. Спустя несколько дней после отъезда Джебцун-Дамба-хутухты амбань Сань До отправил своего чиновника к шанзодбе Бадамдоржу (заведующий казначейством монастыря Гандан, глава ямыня Урги. — Б. Ц., Л. К.) для назначения времени для деловых переговоров с хутухтой. Получив ответ от шанзодбы о кратковременном отсутствии Джебцун-Дамба-хутухты и о его скором возвращении в Ургу, Сань До немедленно вызвал к себе шанзодбу [АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. 1910. Д. 600. Л. 4об.]. Амбань сказал, что хутухте нельзя выезжать за пределы Урги без разрешения маньчжурского Богдо-хана. Прежнее разрешение не имеет силы, поскольку оно относилось к событиям прошлых лет. И при современном трудном положении и времени требуется осторожность. Ответственность за те или иные правонарушения будет ложиться на амбаней и шанзодбу. Сань До также отметил, что подобные вопросы можно быстро решить по телеграфу, тогда разрешение из Пекина можно получить через сутки. По мнению Я. П. Шишмарева, «характерный» (очевидно, имеется в виду — с характером,

имеющий характер.— Б. Ц., Л. К.) Джебцзун-Дамба-хутухта, по всей вероятности, будет настаивать на своем в Пекине, стараясь доставить неприятности амбаню Сань До [АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. 1910. Д. 600. Л. 5]. Надо полагать, что Джебцзун-дамба-хутухта к тому времени уже был достаточно опытен в своей борьбе с маньчжурскими амбанами. Со времени его восшествия на престол религиозного лидера Монголии и до 1910 г. сменилось много маньчжурских ставленников. Не у всех складывались хорошие отношения с хутухтой и монгольскими князьями. Например, острые противоречия возникли между Джебцзун-Дамба-хутухтой и амбанами Гуй Бином (1895–1897), Дэ Лином (1904). Слабые стороны некоторых амбаней, например нерешительность амбаня Фэншэнги (1900–1904), способствовали увеличению авторитета и влияния Джебцзун-Дамба-хутухты [Сизова 2015: 94–95]. Есть мнение, что в сущности Сань До был человеком нерешительным, робким и трусливым, в противовес ему Джебцзун-Дамба-хутухта описывается как мужественный, последовательный и решительный лидер [Батсайхан 2013: 126].

Обострение отношений Сань До и Джебцзун-Дамба-хутухты

Противоречия между амбанем Сань До и Джебцзун-Дамба-хутухтой особенно обострились после выступления лам ургинского монастыря Гандан весной 1910 г., о чем сообщал Я. П. Шишмарев в секретной телеграмме от 26 марта 1910 г. за № 318. Он писал о крупном происшествии в Урге, когда 26 марта 1910 г. группа монгольских лам открыто выступила против маньчжурского амбаня. Более подробные сведения об этом происшествии Я. П. Шишмарев дал в своем секретном донесении в первый департамент МИД Российской империи от 29 марта 1910 г. за № 328. Согласно ему, причиной конфликта послужила ссора трех монгольских лам и служащих одной китайской лавки, занимавшейся скупкой сырья. Ссора переросла в драку, и китайские солдаты, исполнявшие обязанности полицейских, арестовали лам, чтобы отвести в полицию. Однако бывшие на месте происшествия монголы бросились отнимать арестованных и разнесли всю лавку [АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. 1910. Д. 600. Л. 6]. Заметим, что краткая информация об этом выступлении лам имеется в монографии М. С. Колесникова «Сухэ-Батор». Автор отмечал, что ламы купили у китайского купца доски и бревна, но при расчете не поладили с ним и избili его [Колесников 1959: 5]. Упоминание о бунте лам имеется в монографии А. А. Сизовой [Сизова 2015: 119] и диссертации С. Л. Кузьмина [Кузьмин 2016]. Так, в последней указывается название пострадавшей китайской фирмы — «Дэ-Юй-юнь» [Кузьмин 2016: 133]. По сообщению Я. П. Шишмарева, амбань Сань До, недавно вступивший в новую должность, выехал лично на место происшествия, чтобы провести разбирательство на месте происшествия. Прибыв туда и видя неподалеку толпу, состоявшую в основном из лам, амбань вышел из паланкина и подошел к ним [АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. 1910. Д. 600. Л. 6]. Однако они встретили его неприязненными возгласами и бросанием камней, что заставило Сань До немедленно укрыться в паланкине и уехать обратно. Камни бросали в него, свиту и конвой. В паланкине были разбиты стекла и пробита крыша. Начавшееся преследование амбаня было остановлено конвоем, вооруженным ружьями. Бежавший от толпы амбань приехал прямо в ямынь и вызвал шанзодбу. В итоге были схвачены несколько зачинщи-

ков. Дознание, с допросами и жестокими пытками, производилось до вечера и почти всю ночь. Один из лам — главных участников происшествия показал, что в бунте участвовало более 300 человек. Сань До потребовал, чтобы все триста участников бунта были разысканы и преданы суду [АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. 1910. Д. 600. Л. 6–7]. Дальнейшие действия амбана Сань До, судя по данным российского генерального консула, носили неоднозначный характер. С одной стороны, он просил разрешения у Пекина наказать виновных и готовил проект ходатайства о зачислении их в солдаты и отправки против отряда Тогтохо. С другой стороны — Сань До просил освободить его от должности представителя богдоханского правительства «ввиду полной необузданности и дикости лам, встреченной им в Урге» [АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. 1910. Д. 600. Л. 9 об.]. Надо полагать, что на этот крайний шаг его толкнула «потеря лица» перед населением Урги и в целом Халхи, что в дальнейшем могло иметь самые печальные последствия. Для чиновника, совсем недавно вступившего на новую должность, произошедшие события были чувствительным ударом. В то же время он внешне выглядел достаточно спокойным, ничем не выдавал свое смятение. Например, на встрече с Я. П. Шишмаревым, состоявшейся на следующий день после известных событий, амбань Сань До ни словом не упомянул о произошедшем [АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. 1910. Д. 600. Л. 9 об.]. По всей видимости, упоминание о бунте лам в беседе с российским генеральным консулом в Урге могло лишь усугубить шаткое положение амбана. Поведение Сань До также во многом определялось позицией маньчжурских властей, резко изменившейся после поражения России в русско-японской войне 1904–1905 гг. Поэтому поиск союзника в лице Я. П. Шишмарева для амбана Сань До был бы опрометчивым шагом. Очевидно, что тесное сближение и доверительные отношения между российским генеральным консулом и амбаном были невозможны. Новый маньчжурский ставленник был сторонником реформ в цинском Китае, и в этом смысле он мало чем отличался от предыдущего амбана Янь Чжи.

Джебцун-Дамба-хутухта вернулся в Ургу в самый разгар событий. Очевидно, что к тому времени религиозный лидер Монголии приобрел опыт борьбы с маньчжурскими амбанами, с которыми у него не складывались доверительные отношения. К тому же независимая позиция привлекала на его сторону монгольских ханов и князей, которым также не нравилась «новая политика» цинского государства. Так, монгольский амбань после ламского бунта не поддержал амбана Сань До в деле подготовки проекта о зачислении участников происшествия в солдаты и отправки их против отряда Тогтохо, поскольку, как отмечает Я. П. Шишмарев, «боялся Хутухты» [АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. 1910. Д. 600. Л. 7]. Население Урги также было настроено против маньчжурского ставленника, о чем можно судить по дальнейшим событиям. В донесениях Я. П. Шишмарева от 29 и 31 марта 1910 г. за № 328 и № 344 говорилось, что на площади монастыря Гандан собралось более трех тысяч лам и хуvaraков с намерением произвести ночью нападение на китайцев и маньчжурские власти, в том числе и на амбана Сань До. Восстание не состоялось лишь благодаря вмешательству некоторых высших лам [АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. 1910. Д. 600. Л. 9 об.]. Таким образом, ситуация в Урге была чрезвычай-

чайно острой и любое неосторожное действие со стороны маньчжурских властей могло спровоцировать крупный межэтнический конфликт. Амбань Сань До в ответ на прошение об увольнении получил приказ провести строжайшее расследование, отыскать главного виновника и подвергнуть его смертной казни. Ему также было предписано внушить Джебцун-Дамба-хутухте, чтобы он держал лам в строгости. По данным генерального консула, попытки амбаня и маньчжурских чиновников разыскать главного виновника не увенчались успехом, поскольку он был из числа служащих Богдо-гэгэна и его скрывали непосредственно во дворце религиозного лидера Халхи [АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. 1910. Д. 600. Л. 10]. О поимке главного виновника событий и его наказании у нас нет достоверных данных. По всей видимости, попытки маньчжурских властей не увенчались успехом.

Оправившийся после ламского бунта, амбань Сань До усилил свою охрану из китайских солдат, ламам было предписано следить за порядком. Китайский отряд в Урге был увеличен за счет набора и найма сотни бывших китайских солдат. Согласно секретной телеграмме Я. П. Шишмарева от 1 апреля 1910 г. за № 332, положение в Урге можно было охарактеризовать как «натянутое». Сам генеральный консул пытался сохранить нормальные отношения как с амбанем, так и с Джебцун-Дамба-хутухтой. Как показывают последующие донесения Я. П. Шишмарева, ситуация продолжала оставаться напряженной. Так, в секретной телеграмме от 25 апреля 1910 г. за № 440 он указывал на обострение враждебности Джебцун-Дамба-хутухты по отношению к маньчжурскому амбаню. В этом его поддерживали монгольский амбань и некоторые князья. В телеграмме отмечалось также, что Джебцун-Дамба-хутухта всеми мерами, не жалея денег, ищет в Пекине способы для удаления амбаня Сань До [АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. 1910. Д. 600. Л. 12–13].

Выводы

Можно констатировать, что неприязнь между двумя главами Монголии — маньчжурским наместником Сань До и духовным главой Джебцун-Дамба-хутухтой, возникшая сразу после приезда первого в Халху, не замедлила перерасти в длительный конфликт, дошедший до Пекина.

Донесения генерального консула в Урге Я. П. Шишмарева представляют собой ценные материалы, позволяющие понять и оценить события в Монголии, предшествовавшие образованию теократической монархии во главе с Джебцун-Дамба-хутухтой и Монгольской народно-демократической революции 1921 г. Рост национального самосознания монгольского населения был, по всей видимости, вызван противодействием буддийских монахов маньчжурским властям, проводящим «новую политику». Монашество в Монголии по сути заменяло собой слой интеллигенции, монахи были людьми не только образованными в сферах буддийской философии, медицины и астрологии, но и, поневоле, деятелями и активными участниками многих политических событий. Джебцун-Дамба-хутухта, который в буквальном смысле вырос как авторитетный лидер на глазах у генерального консула Я. П. Шишмарева, будучи духовным главой региона, к началу XX в. стал четко осознавать все преимущества своего положения и возможности для концентрации власти в своих руках.

Источники

АВПРИ — Архив внешней политики Российской империи.

Литература

- Батсайхан 2013 — *Батсайхан О.* VIII Богдо Жавзандамба-хутухта — руководитель и отец монгольской национальной революции 1911 года // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения РАН. 2013. № 3 (11). С. 121–137.
- Батунаев 2015 — *Батунаев Э. В.* Борьба за независимость Монгольского государства (1911–1921 гг.). Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2015. 160 с.
- Колесников 1959 — *Колесников М. С.* Сухэ-Батор. М.: Молодая гвардия, 1959. 303 с.
- Кузьмин 2016 — *Кузьмин С. Л.* Буддизм и государственность в Монголии в начале XX в.: трансформация отношений религии и государства в процессе становления независимости. Дисс. ... д-ра ист. наук. М., 2016. 584 с.
- Кузьмин 1997 — *Кузьмин Ю. В.* Я. П. Шишмарев — генеральный консул России в Монголии: 1861–1911 гг. // Bulletin: the IAMS news information on Mongol Studies. 1997. № 2 (20). С. 78–86.
- Кузьмин 2014 — *Кузьмин Ю. В.* Генеральный консул России в Монголии Я. П. Шишмарев о Монголии и монголах. К 180-летию со дня рождения Я. П. Шишмарева (1833–1915) // Россия и Монголия в начале XX века: дипломатия, экономика, наука. Иркутск: Изд-во Иркутского гос. ун-та экономики и права, 2014. С. 105–110.
- Курас 2016 а — *Курас Л. В.* Транснациональная история монгольского мира в условиях революционного подъема: первая четверть XX в. Иркутск: Оттиск, 2016. 252 с.
- Курас 2016 б — *Курас Л. В.* VIII Богдо-гэгэн Джебцзундамба-хутухта и уполномоченный императорского Российского правительства в Монголии И. Я. Коростовец: роль личности в транснациональной истории монгольского мира в начале XX в. // Вестник Восточно-Сибирского государственного института культуры. 2016. № 2 (11). С. 21–30.
- Плеханова, Корниенко 2017 — *Плеханова А. М., Корниенко Н. Н.* «С целью пастырского обеспечения о русских дипломатах и купцах ...»: из истории православного храма в Монголии // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения РАН. 2017. № 2 (26). С. 16–27.
- Сизова 2016 — *Сизова А. А.* Информационно-аналитическая деятельность российских консульств в Монголии в начале XX века // Проблемы Дальнего Востока. 2016. № 4. С. 144–158.
- Сизова 2015 — *Сизова А. А.* Консульская служба в Монголии. М.: Наука, Вост. лит., 2015. 295 с.

Sources

Archive of Foreign Policy of the Russian Empire.

References

- Batsaikhan O. The 8th Bogdo Zhavzandamba Khutukhta: leader and farther of the Mongolian National Revolution of 1911. *The Bulletin of the Buryat Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences*. 2013. No. 3 (11). Pp. 121–137. (In Russ.)
- Batunaev E. V. Struggle for the Independence of Mongolia: 1911–1921. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (Sib. Branch) of RAS, 2015. 160 p. (In Russ.)
- Kolesnikov M. S. Sükhbaatar. Moscow: Molodaya Gvardiya, 1959. 303 p. (In Russ.)
- Kuras L. V. Transnational History of the Mongolian World in a Revolutionary Upsurge: the First Quarter of the 20th Century. Irkutsk: Ottisk, 2016. 252 p. (In Russ.)
- Kuras L. V. The 8th Bogdo-Gegen Dzhebzundamba-Khutukhta and Plenipotentiary of the Imperial Russian Government in Mongolia I. Ya. Korostovets: the role of personality in the transnational history of the Mongolian world in the early 20th century. *Vestnik of East Siberian State Institute of Culture*. 2016. No. 2 (11). Pp. 21–30. (In Russ.)

- Kuzmin S. L. Buddhism and Nation-Building in Mongolia in the Early 20th Century: Transformation of Relations between Religion and State during the Shaping of Independence. Dr. Sc. (history) thesis. Moscow, 2016. 584 p. (In Russ.)
- Kuzmin Yu. V. Russian Consul General to Mongolia Ya. Shishmarev: about Mongolia and the Mongolians. Celebrating the 180th birthday of Ya. Shishmarev (1833–1915). In: Russia and Mongolia in the Early 20th Century: Diplomacy, Economy, Science. Irkutsk: Irkutsk State University of Economics and Law, 2014. Pp. 105–110. (In Russ.)
- Kuzmin Yu. V. Ya. Shishmarev — Russian Consul General to Mongolia: 1861–1911. *Bulletin: the IAMS News Information on Mongol Studies*. 1997. No. 2 (20). Pp. 78–86. (In Russ.)
- Plekhanova A. M., Kornienko N. N. ‘With a view to pastoral care of Russian diplomats and merchants...’: excerpts on the history of the Russian Orthodox Church in Mongolia. *The Bulletin of the Buryat Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences*. 2017. No. 2 (26). Pp. 16–27. (In Russ.)
- Sizova A. A. Consular Service in Mongolia. Moscow: Nauka, Vostochnaya Literatura, 2015. 295 p. (In Russ.)
- Sizova A. A. Information and analytical activity of Russian consulates in Mongolia in the beginning of the 20th century. *The Far Eastern Affairs*. 2016. No. 4. Pp. 144–158. (In Russ.)